

УДК 39:33
ББК 91.9:65

Н.Н. Козьмин

ХОЗЯЙСТВО И НАРОДНОСТЬ* **(Производственный фактор в этнических процессах)**

Переиздание статьи известного сибирского историка, профессора Николая Николаевича Козьмина (1872–1938), увидевшей свет на страницах журнала «Сибирская живая старина» в 1928 г.

Ключевые слова: Н.Н. Козьмин, «Сибирская живая старина», этнос, хозяйство, Сибирь.

N.N. Kozmin

THE ECONOMY AND THE NATIONAL ETHOS **(The production factor in ethnic processes)**

A reprint of the article by well-known Siberian historian, Professor Nikolay Nikolaevich Kozmin (1872–1938), first published in «Sibirskaya Zhivaya Starina» journal (Siberian Living Antiquity) in 1928.

Keywords: Nikolay N. Kozmin, «Sibirskaya Zhivaya Starina» («Siberian Living Antiquity»), ethnos, economy, Siberia.

1. Природа и человек

Как известно, те или иные животные не всегда встречаются в смежных и однородных, казалось бы, районах. Это зависит, главным образом, от выбора свойственной каждому животному пищи. Северный олень (*Rangifer tarandus*) приурочен к притундровой лесной полосе на севере и к границам гольцевой зоны и кедровников, с их лишайниками и мхами. Косуля (*Capreolus pygargus*) водится там, где нет зимой глубоких снегов, мешаю-

* Печатается по изданию: Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность. (Производственный фактор в этнических процессах) / Н. Н. Козьмин // Сибирская живая старина. — 1928. — Вып. 7. — С. 1–22. Статья открывала номер, но перед ней помещался некролог «Памяти Л.Я. Штернберга» (с отдельной — римской — пагинацией). В оглавлении статья значится под названием «Этнография и народность».

Редакция журнала выражает признательность отделу книжного фонда Иркутского областного краеведческого музея за помощь, оказанную при подготовке переиздания статьи.

щих добывать пищу. А только там, где встречается косуля, мы встретим и волка, следующего за нею, как основным объектом его охоты... За стадами сельдей следуют стаи китов и дельфинов. То же самое мы видим и в отношении человеческих обществ. На севере целые районы освоены почти исключительно охотниками на песца и сельдь — на низовьях рек, или на белку и осетра — южнее, или оленеводами, которые спускаются однако же и далеко к югу, в горные тайги, с природными условиями, в пригольцевой зоне, аналогичными с приполярными.

Та хозяйственная или промысловая деятельность, которая диктуется природой и ранее образовавшимися, м.б., в несколько отличной природной обстановке, навыками, определяет формы быта, а затем и физическую организацию человека. Степняк, скотовод и наездник, имеет ноги, поставленные «ухватом», несколько удлиненное сравнительно с конечностями туловище. А совершающий переходы в сотни верст зверолов закрепляет за собой легкий вес, сухощавое телосложение.

Человек настолько привыкает видеть себя в повседневной хозяйственной обстановке, что по ней часто называет и себя, и своих соседей. Население Алтая и Саян называет себя йыш-кижи (или, по другому произношению, чис-кизи), т.е. таежными, «черневыми» людьми, и это не потому только, что эти йыш-кизи живут в лесах, но и потому, что горная тайга (по алтайски «чернь») властно определяет их жизнь и быт. Самое время, отдельные части года получают определенные названия по тому заданию, которое природа в данный момент дает хозяйственной, производственной деятельности. Наступает «кандычный» месяц («бес-ай» у сагайцев¹), и население высыпает на опушки лесов собирать «кандык»² (*Erythronium dens canis*) на зиму, «сенной» месяц («от-ай») выгоняет на покос; наступает «таежный» месяц («тайга-ай») и йыш-кизи отправляется в тайгу на охоту. Природа властно командует человеком, который механически, инстинктивно сообразует с этой командой свои поступки. Вырабатывается своеобразный хозяйственный и вместе с тем этнический инстинкт. Клеменц³ рассказал в одной из журнальных своих статей интересный факт, который он наблюдал в Присаянье. Больной и дряхлый, уже не могший ходить, старик

туземец, один из представителей «йыш-кизлеров», когда наступал охотничий сезон (тот «тайга-ай», о котором сказано выше), начинал бредить и в мучительном бреду просил окружающих дать ему ружье («мултых, бир мултых», — ружье, дай ружье). Клеменц остроумно сопоставил этот этнологический факт с теми фактами, которые относятся к периодическим перелетам птиц; могучий инстинкт заставляет птиц, когда начался отлет, покидать гнезда с не успевшими опериться птенцами, несмотря на властный зов материнской любви.

Аналогичные явления наблюдатели народной жизни отмечали в крестьянском быту, в ряде явлений, которые еще Глеб Успенский⁴ художественно объединил термином «власть земли». Инстинкт хлебороба («таряшин» как метко говорят буряты, — от слова «тарян» — хлеб), как и инстинкт зверолова, создался в длинном ряде поколений. Крестьянин также инстинктивно отбирает пригодные для пашни участки, определяет время для пахоты и посева. Он часто лишь «чувствует» дождик, но, конечно, не сумеет составить научного метеорологического календаря. Но тот календарь, художественную характеристику которого дал Ключевский в своем курсе русской истории, дает ему достаточные руководящие нити.

Монгольская летопись, перечисляя различные народы и народности, жившие по соседству с монголами, называет между прочим булгачинов, кэрэмучинов и т.п. Что такое булгачин? Это слово просто означает «соболевщика», охотника на соболя. Кэрэмучин означает такого же охотника на белку. Мы знаем точжинцев, живущих в восточном таежном Урянхае. Они относятся к тубинской (или тувинской) группе⁵ и, несомненно, включают разные мелкие племена как чисто турецкого⁶ происхождения, так и «котовского» или кетовского. Что их объединило в глазах соседей и исследователей и, наконец, соединило как бы в одно этническое целое? Несомненно, оленеводство. «То» (или «тон») — олень, «точжи» — тот, кто является оленьим пастухом, оленеводом, как «малчи» — пастух рогатого скота (от «мал» — рогатый скот), а «хоничи» — овечий пастух у бурят.

Точно так же на крайнем северо-востоке Азии чукчи и коряки называют себя и соседей или по оленям или по морским про-

мыслам; эти два основных рода занятий разделяют и этнически северо-восточные окраинные народности. Весь строй жизни «оленевода» разнится от строя жизни «приморского жителя» (анкилан), охотника на морских животных, поставленного в такую большую зависимость от посторонних сил, в противоположность более обеспеченному обладателю оленьих стад. Нет даже, по-видимому, общего имени для обозначения чукчей или коряков — одновременно оленеводов и приморских независимо от занятий. Напротив, общим термином обозначаются приморские чукча и коряк, или оленеводы чукча и коряк.

II. Антропологические и этнологические типы

Интересный исторический факт представляет образование т.н. романских народностей, столь различных и в настоящее время между собой и антропологически и культурно, хотя и возводящих себя к тем «*gotani*», которые построили, две тысячи лет тому назад, мировую империю и колонизовали значительную часть известного им мира, дав, казалось бы, новые кадры населения и заменив «латынью» языки кельтов, иберов, лигуров, иллиров, даков и т.д. Достаточно хорошо знать латынь, чтобы, при некоторых способностях и напряжении, научиться, без учителя, читать по итальянски, португальски или испански. Сомнительно, чтобы можно было восстановить те языки, на месте которых возникли языки испанский, провансальский, ретийский, румынский и др. А между тем чувствуется, что древние иберы и кельтиберы живы в современных испанцах как Европы, так и Америки. И бои быков, и танцы во время католического богослужения, и костры инквизиции, вероятно, идут еще из эпохи до-римской и даже до-карфагенской. Исследователи неоднократно отмечали, что та этнологическая характеристика галлов, которая дана римскими писателями, в значительной мере может быть отнесена к современным французам, населяющим Трансальпийскую Галлию классических писателей.

Если мы возьмем римские же характеристики греков эпохи империи, и в них мы узнаем характерные черты позднейших византийцев и современных нам греков, тех «продавцев губок», которых склонны считать так не схожими с современниками

Перикла и Демосфена. А, ведь, и эти современники Демосфена пробирались за янтарем на Балтийское море, обшаривали в поисках нужных товаров берега Европы и Африки и вызывали презрительное отношение к «*graeculi*» («гречишкам») со стороны римлян. И если «смирнская маслина» появляется в наши дни на далеком от М. Азии рынке Маньчжурии, то она же составляла предмет вывоза и для эллинов классической эпохи в достаточно удаленные от Смирны страны.

Животный мир беспрерывно эволюционирует и создает новые формы, бесконечно разнообразные. Как сильно различаются между собою, среди собак, с.-бернар и болонка. Любители выводят такие экземпляры голубей, которые похожи скорее, напр., на ястреба, чем на голубя. И все таки и с.-бернар и болонка остаются собаками, и новые «сорта» голубей — голубями.

Есть также мало подвижные, — относительно, конечно, — неизменяемые типы человеческих коллективов и их представителей, в основе которых нетрудно найти следы тех хозяйственных и естественно-географических влияний, которые отложились в организме и в общежитии в течение необозримого ряда поколений ранних эпох.

В современном нам мире, в одинаковых климатических и географических условиях, живут людские группы различного происхождения и типа. Бушмен, готтентот и кафр в южной Африке — представители различных антропологических типов. На севере Азии мы находим, кроме европейских колонистов, такие различные типы, как айны, японцы, чукчи и турки. Есть тип монгольский с его характерным разрезом глаз и строением, лица, желтоватой пигментацией. Но и среди тех народностей, которые дали название этому типу, имеются какие-то резкие отклонения от этого определяющего народность типа.

Среди монголов Халхи нередко можно встретить орлиный нос, большие глаза не европейского, но и не монгольского разреза. То же самое среди сибирских турков.

В Северной Азии можно наметить три или четыре основных антропологических типа. К одному относится «чистый монгол». Этот тип мы найдем и среди бурят, и среди якутов, и среди казаков-кыргызов⁷, и среди туземцев верхнего Енисея, и

на далеком Севере; особенно он часто встречается, в смешанных группах, среди женщин. Другой тип распространен среди племен «тубинской» группы, алтайцев, саянцев⁸. Характерными представителями его могут быть койбалы⁹. Они близки к т.н. европейскому типу: несколько продолговатое лицо, не монгольские или только монголизованные глаза, более редкая, чем, скажем, у великоруся, но все же обильная, растительность на лице, сухощавое тело. Третий тип сильно напоминает тот популярный образ «краснокожего индейца», который знаком нам по иллюстрациям в романах и этнографических сочинениях. Представителей этого типа мы найдем и среди абаканских туземцев (напр., некоторые бельтиры¹⁰), и среди монголов, и среди забайкальских бурят (хоринской ветви в агинских степях). Можно наметить еще четвертый тип, который встречается среди сагаев¹¹ и алтайцев. Это и не монгольский, но и не европейский тип. Азия, но не монгольская Азия, а какая то разновидная. Близко к койбалам, но также отличается.

Когда этнографы и антропологи производят свои наблюдения и измерения, они часто берут в качестве объектов для своих манипуляций «типичные», на их взгляд, для обследуемого племени экземпляры. Это ведет к ошибочным выводам. Современные нам племена представляют продукт разнообразнейших этнических смешений в результате административных и хозяйственных перетасовок и вынужденного или добровольного усвоения чужого языка, костюма, обычая. Задачей антрополога и этнолога является, как мы думаем, изучение не только этих этнических конгломератных образований, но и тех основных антропологических и этнологических типов, которые как бы пластами прорезывают наличные племенные массивы, представляющие результат происшедших в прошлом своего рода этнических смещений, разрывов и сращиваний.

III. Хозяйственная дифференциация

Мы, к сожалению, не располагаем, по крайней мере, при нынешнем состоянии источников, достаточными данными для изучения антропологических и этнологических типов в динамическом разрезе и их исторической эволюции. Может быть, со

временем, с открытием новых памятников и уточнением научных методов, у нас явится возможность для этого, но пока мы должны отказаться от сколько-нибудь законченного разрешения такой задачи. Но у нас все таки кое-какой, хотя и ориентировочный, материал имеется для изучения этнологических типов в таком разрезе. Этот материал не совсем однороден и часто случаен; надежных построений сделать на его основании нельзя. Все же некоторые линии и контуры развития можно наметить.

Ведь, исследователь должен считаться с тем, что ему нередко приходится ограничиваться лишь улавливанием основных тенденций и линий развития.

По счастливой случайности, наиболее обильный материал мы имеем в нашем распоряжении в отношении турков. Орхонские памятники, открытые Ядринцевым и лишь только начатые изучением нашими покойными туркологами Радловым и Мелиоранским и ныне здравствующим академиком В.В. Бартольдом, дают нам возможность проникнуть чуть не на полторы тысячи лет вглубь истории сибирских турков.

Обращаясь к ним, мы прежде всего должны установить, что эти памятники рисуют нам турецкие племена бассейнов Селенги, верхнего Енисея, Оби и Иртыша, как преимущественно «лесные». Это люди горной тайги, или «черни», йыш-кизи. Обращаясь к своему народу, автор надписей, Бильге-каган, называет его «народом утукенской черни»¹². Когда он говорит о колонизации своих восточных владений, он сообщает, что заселил «чернь Кадырканскую»¹³. Битвы — даже с кыргызами — происходят в черни, куда приходится проникать зимою по глубокому снегу, — там именно пал в битве кыргызский вождь, Барс-бег... Пожалуй, только обитатель черни мог таким сложным термином, как «йер-суб» (земля-вода), передать понятие «страна». Так тесно связались в его представлении реки и оживляемая ими земля черни. Вполне естественно поэтому считать в орхонских надписях сетование кагана, что народ утукенской черни начал покидать родную чернь, свою «святую землю и воду» (ыдук йерсуб) и селиться в степях поближе к соблазнявшим своими дорогими товарами и подарками китайцам. Отсюда, по мнению кагана, произошли все многочисленные и тяжкие

несчастья, выпавшие на долю турецкого народа. Соблазненный благами культурных стран, он двинулся к ним навстречу — но чего он достиг? В результате из костей его славных сынов нагромождены горы, а его «чистые дочери» стали невольницами. Только оставаясь в черни, турецкий народ может счастлив.

«Черные соболи» и «голубые белки» занимают слишком большое место в орхонских памятниках, чтобы не отвести им большого места и в хозяйстве народа утукенской черни. Очевидно, охота занимала одно из главных мест в хозяйстве населения Алтая, верхнего Енисея и Прибайкалья, т.е. тюргешей, азов, кыргызов, курыканов, огузов. Это и понятно. Ведь, на черных соболей и голубых белок «голубые» турки Орхона выменивали и «сладкие напитки», и более необходимые для них самих и для их хозяйства предметы. Но существующие на Алтае, и в Хакасии, и в Урянхае древние оросительные каналы, раскинувшиеся на десятки верст, подтверждают известия китайских летописей о существовании также и турецкого туземного земледелия. Русские в XVII–XVIII вв. еще застали и у бельтиров, и у тубинцев, и у сагаев земледелие аналогичное по методам обработки с существовавшим до последнего времени у урянхайцев¹⁴. Хазары на нижней Волге и на Дону не только занимались в VIII–XI вв. хлебопашеством, но имели фруктовые сады и виноградники, которые, очевидно, являются предшественниками астраханского садоводства и виноделия. Болгары в XII–XIII вв. снабжали хлебом Суздальскую Русь. По данным, сообщенным Марко Поло, страна, населенная уйгурами (т.н. Восточный Туркистан, с городами Кашгаром, Хотаном, Кэрией и др.), издавна была богата фруктами, вином, хлопком и шелком («всего здесь вдоволь: хлопка родится много, есть виноградники и много садов»).

То же самое, за полстолетие, отмечал китайский путешественник — монах, расхваливший произведения сельского хозяйства хойхэ, т.е. уйгуров. («Когда мы вступили в город, князь угостил нас обедом на террасе; жена его потчевала нас виноградным вином; поднесли нам арбузов, которые весили по пуду; дыни были с целую подушку, с ароматом и вкусом, которых не знают у нас в Китае; огородные овощи здесь такие же, как в Китае»).

Но Уйгурия лежала на перекрестке торговых путей. Уйгуры не только были земледельцами, но и купцами. («Много купцов идет отсюда торговать по всему свету»). Это был «народ торговый и ремесленный». Во время Марко Поло многие уйгуры были еще не магометанами, а несторианами. Сохранялись связи с передней Азией. Торговым же было население Самарканда, Балха, Хорезма (нын. Бухары и Хивы¹⁵). «Сартолы»¹⁶, позднейшие «бухарцы», во время Чингисхана были почти монополистами в торговле в пределах монгольской империи; они же торговали и в пределах Чжунгарского государства. В XVII и XVIII вв. Московское и затем Петербургское правительство вело упорную и ожесточенную борьбу с бухарским торговым капиталом и бухарскими купеческими компаниями в Сибири и не всегда успешно. Насколько важна была в древности торгово-промышленная роль Хазарии и Великой Болгарии может свидетельствовать, помимо русских и арабских известий, один характерный факт, что у бурят-монголов до сих пор юфть носит название «болгар».

Сами «голубые турки» Орхона, несмотря на привязанность их каганов к черни и к старым устоям жизни, переходили, как свидетельствуют оставленные ими памятники, к городской культуре.

Таким образом, надо думать, что та культура и тот быт, которые были связаны с «чернью», не исключали не только земледелия, но и городского уклада жизни. Но были турки-номады. К ним надо отнести на западе кипчаков (куманов, половцев) и канглов (печенегов), о которых Плано Карпини¹⁷ и Рубрук¹⁸, проезжавшие через их земли, вполне согласно говорят, как о кочевниках-скотоводах («они не обрабатывали земли, но питались только скотом; также они не строили жилищ, а жили в шатрах»). О каракитаях и кайманах Рубрук также определенно говорит, что и они «не занимались земледелием и жили в шатрах, подобно татарам». По крайней мере, это относится к тем, лежащим к югу от Алтая, землям найманов¹⁹, через которые он проезжал. К скотоводам же принадлежала главная масса населения страны кыргызов и кереитов, о которых те же путешественники говорили, как о «живущих на пастбищах».

Таким образом турки уже к XIII в. и в различных племенных объединениях представляли почти все формы хозяйственной организации и быта, начиная от торгового города и кончая степным кочевьем. То же самое мы видим и теперь. Но такая картина должна быть принята с известными ограничениями. Кара-китай²⁰ овладели страной, где до них, несомненно, существовало земледелие. То же самое было с кереитами. Царство последнего кереитского хана Тогрула (Унгхана, Вангхана китайско-монгольских памятников) представляло очевидный регресс в сравнении с царством «голубых турков», хотя и являлось его продолжением. Монголо-китайская летопись и орхонские памятники упорно говорят о «черном лесе» (т.е. «черни» же), куда постоянно и надолго удаляется Тогрул после походов и пребывания в своей главной резиденции.

Народы, которые входят в состав государства кара-китаев, найманов и кыргызов, постоянно именуется «лесными народами». Они настолько представляются одинаковыми по образу жизни и даже по характеру страны их обитания, что это имя «лесных пародов» употребляется почти как этническое. Оно вполне аналогично термину йыш, йыш-кизи, йыштер, чистар (черневые люди, горно-таежники, чернь, горная тайга).

Какое то особое соотношение должно быть между номадами и лесниками («народом в лесах», — у китайцев, — «линьму кэй босин»), горно-таежниками, какое то культурное одновременно и расхождение и взаимодействие.

Если мы возьмем монголов и ту, пока еще не совсем ясную этническую группу, с которой они ближайшим образом были связаны, — группу «татар», — то и здесь, мы, с одной стороны, видим «су-монголов» Рубрука, занимающихся охотой и рыбной ловлей, и «йехе-монголов» — скотоводов, с другой стороны — «анчи-татар», промысловых, охотничьих татар монголо-китайских летописей, и «белых татар», которые, по-видимому, составляли основу победоносных армий Чингисхана и его преемников, которые создали его империю, и которых уже в конце XIV в. в огромном числе (свыше 600 тысяч, по свидетельству испанца Клавиho²¹) истребил в передней Азии Тамерлан. На восток от Орхона мы видим то же, что на западе. Развалины

так называемого Кондуйского города²², к востоку от Онона, не менее замечательны, чем Орхонские. Они свидетельствуют также о наличии городской культуры и в областях, казалось бы, чистого монгольского этнического и культурного преобладания. Эта именно городская культура, может быть, дошла до середины XVII в. в виде тех даурских городских государственных объединений, которые стояли на весьма значительной культурной высоте и были уничтожены лишь русским нашествием.

Если мы обратимся к тунгусам, то и здесь мы должны будем констатировать, с одной стороны, переход скотоводов к оленеводству, несомненно, проделанный северными тунгусскими племенами в позднейшую эпоху, а с другой стороны — наличие тунгусской земледельческой и городской культуры на юге, в соседстве с Китаем, у дючеров, маньчжуров и др. Наконец, на крайнем северо-востоке Азии русскими же, уже в XVIII в., уничтожена после истребительной войны интересная культура камчадалов, отнюдь не низкая. Это не была культура «бродячих» звероловов, как мы ее обычно представляем. Благополучно уцелевшие до нашего времени коряки стойко выдержали внушающую нам невольное уважение борьбу с русскими насильниками, свидетельствующую о такой национальной спайке, которая могла быть дана в прошлом только длительной национально-государственной организацией. Самые жилища их представляют приспособление какого-то архитектурного типа к условиям приполярного климата. Едва ли допустимо предположение, что это развитие дымового отверстия юрты в нечто аналогичное плоской, используемой для обитанья, крыше жилища юга.

Можно ли установить определенное соотношение между тем или иным антропологическим типом и тем или иным типом этнологическим? Частичные попытки в этом направлении делались. Так упомянутая выше постанковка ног «ухватом» у монголов и бурят-монголов относятся за счет верховой езды и пастушеского образа жизни. Острое зрение степняка или обитателя тундры приписывают безграничному простору равнин и безукоризненно чистому воздуху. Но эти сопоставления делались пока мимоходом и не были предметом систематического изучения.

Необходимо отметить, что западноевропейская наука имеет за собой аналогичные попытки, как среди антропологов, так и историков. Такова, напр., известная теория французского историка Огюстена Тьерри²³, в значительной мере, поддержанная и работами его брата Амедэя²⁴. Это теория борьбы рас, по мнению О. Тьерри, легшей в основу социальной, классовой структуры Европы, — в частности борьбы двух народных и хозяйственных культурных типов, — романо-кельтского и франко-германского. Романизированные кельты, согласно этой теории, были подчинены завоевателями-франками (древними сикамбрами), образовавшими феодально-дворянскую социальную верхушку, в то время как завоеванное коренное население романской Галлии составило низкие сословия — городское и сельское. Племенные различия со временем сгладились. Но расовые различия превратились в социальные противоположности, противоположности трудовых масс и групп поработителей-эксплуататоров. Расовый антагонизм превратился в классовую борьбу. Различие по крови заменилось не менее глубоким различием кастового, сословного порядка.

Замкнутость средневековых и позднейших сословий не уступала древней национальной исключительности. Французские дворяне, буржуа и крестьяне могли следить²⁵ за представителями обособленных этнических групп, — настолько они различались даже в антропологическом отношении.

Несмотря на упреки в односторонности, которым подверглась эта теория, она заслуживает глубокого внимания с нашей стороны как попытка, — сделанная, не надо этого забывать, сто лет тому назад, — нащупать те реальные процессы, которые лежали в основе явлений социальной истории Европы. Эта теория не имела в то время за собой той богатой социологической и экономической литературы, какой располагает современный наш исследователь.

В настоящее время, главным образом, яфетидологическая школа лингвистов занята попытками связать явления в области развития языков с явлениями в области классового расщепления и стремится рассматривать эволюцию языков в свете процессов хозяйственного и социального порядка. Однако и

новые открытия в области материальной культуры Центральной Азии толкают научную мысль в том же направлении. Думается, что в этом отношении Туркестан и²⁶ его пережитками и следами исчезнувших народов и погибших культур должен представить трудно охватываемое количество материала для историка-этнографа. Но и наши урало-алтайцы и занимаемые ими области (Алтай, Присаянье, Орхон, Монголия восточная) представляют не меньший интерес, чем восточный или западный Туркестан, с которыми они, несомненно, в глубокой древности уже были связаны.

Дальше мы попытаемся сгруппировать небольшой материал, могущий, до некоторой степени, осветить направление, в котором как будто следует искать разрешения этого вопроса.

IV. Взаимодействие и смена культур

Существует исторический анекдот, приписывающий китайцам утверждение, что первый человек известной еврейской легенды, Адам, не более как «беглый солдат с китайской границы». Этот анекдот должен выставить на вид большую древность китайской культуры сравнительно с еврейской. Но еврейская легенда об Адаме только один из обрывков обширного халдейского мифологического эпоса, которые евреи принесли с собой в Палестину из «вавилонского плена» и включили в свои «священные книги». Прототип этой легенды, несомненно, представляет реминисценцию культурных народов Месопотамии о своей начальной истории, о своих «origines»²⁷, как говорят французы. Думается, что хронологически они — хотя, конечно, и неизбежно грубо, — довольно удачно определяли начало месопотамской, или халдейской, культуры. Это начало должно принадлежать времени за 5–6 тыс. лет до нашей эры. Но историческое и легендарное начало китайской культуры едва ли относится к значительно более раннему периоду. И вавилонская и китайская культуры, прежде всего, должны быть отмечены наличием непрерывности. Возможно, что они должны быть связаны с началом употребления металлов и открытием письменности. За 2–3 тыс. лет до нашей эры в Месопотамии была не только письменность, но уже развитая литература, как научная,

так и художественная; был выработан не только литературный язык, но и язык правительственных канцелярий, судов, законодательства, язык деловых и частных сношений. Адам — это образ, олицетворяющий не начало человеческого рода, а начало культурного, цивилизованного существования человека в одном из очагов цивилизации, Месопотамии. Таких очагов было, несомненно, не один и не два. Археологи постоянно открывают все новые и новые «культуры» и в Европе, и в Азии, и в Америке, и в Африке. Одни из этих культур восходят к месопотамской, халдейской, но другие имеют как будто самостоятельное значение. Сама халдейская и шумерийская²⁸ культуры должны восходить к каким-то еще более древним прототипам.

Среди ново-открываемых культур имеются носящие «городской» характер. Это наиболее «историчные» культуры, потому что город часто пользовался камнем, обделывал его, делая пригодным для продолжительной сохранности, много накапливал в себе запасов металла, оставлял «следы» нарочитой, сознательной деятельности. Эти «следы» были долговечнее, чем следы других культур.

Иначе обстояло дело с деревенской, сельской культурой, пользовавшейся деревом, не обожженной глиной и собиравшей в одном месте лишь небольшие сравнительно людские массивы. От нее мы имеем разрозненные остатки, — часто только разбросанные по успевшим зарости тайгой равнинам и увалам орудия и оружие, иногда обломки их. Еще хуже дело со «следами» деятельности и жизни скотоводов, охотников, рыболовов, от которых иногда сохранились одни «кухонные» остатки, кучи костей и осколков первобытной кухонной посуды.

Но уже в глубокие эпохи разных ступеней развития неолита мы можем проследивать переплеты и расхождения разных линий культурной эволюции. Мы находим и военные, и торговые города, и оседлое земледелие, и кочевное и оседлое скотоводство, и разные формы оседло-промыслового и бродяче-промыслового хозяйства и быта.

Мы привыкли к почти феерически быстрой смене не только исторических событий, но и форм государственности, общест-венности и быта за последние века, и нам трудно предста-

вить ту медленную, тяжелую поступь исторических процессов, которые развивались как в глубокой, так и в не особенно даже отдаленной древности, когда не было одного объединенного общими культурными связями мира, а были отдельные миры, разделенные бездорожьем, пустынями, отсутствием общего языка, взаимной враждой и страхом. Империя внука Чингисхана, Хубилая, была относительно благоустроенная, а приглашенные к нему отец и дядя Марко Поло ехали из Бухары в его резиденцию Ханбалык²⁹, по словам Марка, «целый год». Китайский посол, отправленный в пределы нынешнего Туркестана, возвращался десятка через полтора лет, и его сведения отнюдь не считались устаревшими. Политическая обстановка не успевала сильно измениться.

В этих условиях хозяйственный и общественный строй, язык, самый антропологический тип на определенной территории вырабатывались одновременно в условиях тесного внутреннего взаимодействия и вместе с тем значительной изолированности от посторонних культурных влияний.

Номад создавал язык, приноровленный к потребностям скотоводческого хозяйства, с богато разработанной технической терминологией различных процессов и приемов хозяйствования и предметов скотоводческого бытового уклада. Его социальная организация приравнивалась к периодическим передвижениям стад и особым условиям и приемам степной «облавной» охоты, которые ложились в основу военной, а затем государственной организации. Верховая езда вырабатывала «прирожденного наездника» с широко расставленными ногами, а постоянная ориентировка в степных просторах — зоркий прищуренный глаз. Наездник больше пил, чем ел. Еда не всегда была к его услугам. Поэтому он ел, когда был случай, долго и много, тщательно обглаживал кости, разгрызал хрящи и высасывал мозг. Постоянное пребывание на воздухе осмуглило его кожу. Все это должно было отразиться на строении туловища, конечностей, внутренних органов, форме лица и т.д. Эти особенности вырабатывались в течение тысячелетий и закреплялись путем естественного, а затем и искусственного отбора и подбора в бесконечном ряде поколений.

Город был, прежде всего, торговым центром, куда стекались товары и откуда они распределялись. Этот сравнительно большой запас материальных благ вместе с усложненными общественными отношениями, с одной стороны, смягчал суровый прямолинейный нрав, свойственный жителю степи или тайги, а с другой — делал его эластичным. Городской житель был гибче, умнее, мог казаться хитрее, лукавее, чем сельский житель. Купец, заурядный житель города, вел торговлю обычно без посредников. Он не мог «выписать» нужную партию товара, как это делает теперь магазин. А с набором местных изделий или ходких сырых продуктов, например, тех же аттических или малоазиатских маслин, отправлялся в продолжительное, иногда длившееся годами, путешествие, пользуясь судами или верблюдом. Дорогой он продавал свои товары, менял их, приобретал новые, все время обращая и увеличивая капитал, вложенный в товары. Когда он возвращался домой из удачного путешествия, то он уже бывал часто богачом. Путешествие не было срочной деловой поездкой. Странствуя, он заводил знакомства и связи; не только накапливал средства для жизни, но и пользовался попутно жизнью. Ловкий, бывалый, он был интересным собеседником в дружественном кругу, удачным советником и для своих собратий-купцов, поскольку они не оказывались его конкурентами, и для царей и царьков тех стран, которые ему приходилось проезжать. Драгоценности и вкрадчивые речи и манеры делали древнего финикийского коммерсанта обольстительным и чрезвычайно опасным для сердец гречанок времен «Одиссеи». Сколько из них делались предательницами, бежали с финикийцами на их кораблях, часто становясь их наложницами, а затем и невольницами. Таковы же были для Центральной Азии и тот лукавый развратитель простых нравов, «табгач» (китаец), о котором говорил негодующий автор орхонских надписей, и ловкий купец-царедворец из Хорезма и Персии, и более близкий купец и администратор уйгур. Более утонченная душевная организация и возможность широкого пользования культурными благами не могли не отражаться также на физическом облике населения городских общин, особенно верхнего слоя, наиболее знакомого, вследствие подвижности, для соседей.

Аналогично вырабатывался тип земледельца отдельных различных оттенков, начиная с уйгура, владельца виноградника, хлопкового поля, или фруктового сада, и кончая сагаем или бельтиром, вспахивавшим «абылом»³⁰ небольшое поле под просо или копавшим при помощи «озупа»³¹ сарану (сарышеп — *Lilium martagon*³²; акшеп — *Lilium pomponium*³³) и кандык в зимний запас. Антропологические и этнологические черты не могли не находиться в определенной корреляции. Когда в древних Афинах говорили о беотийце, пред собеседниками должен был сразу вставать знакомый образ толстова того, простодушно-неповоротливого, несколько неопрятного и смешного «свинопаса», так противоположного сухощавому, с резким профилем, опасно лукавому купцу финикийцу или нарядному малоазиатскому коммерсанту. Так же ярок был и легко запечатлеваем психический и физический облик египтянина или халдея. Еще при дворе Мунке-хана, вероятно, сразу узнавали уйгура, или «сартола», или китайца, даже переодетых, хотя уже могли быть ошибки и какой-нибудь найман мог выдать себя за кыргыза.

Происходили сложные процессы хозяйственно-социально-го расслоения. Земледельческая страна выделяла торгово-промышленный центр, и в центральной Азии были свои Сезострисы Великие и Ассурбанипалы, которые совершали отдаленные походы, производя перетасовку племенных группировок. Происходила инкорпорация одним государственным объединением другого, одним социальным слоем соседнего. Сказывались результаты случайных скрещиваний, и среди светловолосых фракийцев, по закону расщепления признаков (закон Менделя)³⁴, могли появляться смуглые и крючконосые экземпляры.

Уж передвижения гуннов, аваров, уйгуров, огузов, «турков» произвели и в Центральной, и в Средней и Северной Азии огромные перегруппировки. Колоссальная же передряга, предпринятая Чингис-ханом, оставила мало очень даже отдаленных углов Азии и восточной Европы нетронутыми. Целые племена оказались переброшенными за тысячи верст. Большие народы, образовывавшие государства, были сведены до размеров небольшого племени или были распылены среди других племен-

ных массивов; из остатков различных народов и племен образовывались новые народы. Так, например, создавался новый народ кыргыз-казаков³⁵ (или, просто, казаков), не имеющий даже общего этнического наименования, так как «казак» — название собирательное, искусственное, условное. Казаки образовались из различных племен, которым была придана чингисидами военная организация и которые были выдвинуты, под началом старшего сына Чингисхана, Чжучи, на запад, в качестве авангарда и заслона, разделяясь по турко-монгольскому военному правилу на три части (чжус): восточное крыло (зунгар), центр и западное крыло (барунгар). Отсюда произошли Большая, Средняя, и Малая орда. Из каких племен состоит Средняя орда? Кипчак, Найман, Кирейт, Аргын и Конграт. Кипчак это половцы русских летописей; найманы — противники Чингисхана, до него они занимали Алтай; кирейты (или керейты) жили по Селенге и Орхону; аргын упоминается Марко Поло, как один из народов, подвластных «попу Ивану», как он, согласно с средневековой легендой называет «Ванхана» керейтского, Тогрула; конграт-хункират, одно из значительных и влиятельных в монгольской империи племен. Но аргын имеется и теперь среди ачинских турков, найманы и кипчаки имеются на Алтае и в районе Ташкента, в составе так называемых узбеков. В составе же кыргыз-казаков имеются меркиты, жившие когда то в соседстве с керейтами, а теперь рассеянные в Казакстане, Туркистане, Западной Монголии, на Алтае; каракас, сохранившихся и на Абакане и среди так наз. карагасов; тастар, существующих и на Абаканских степях. Среди кыргызов большое место занимают китаи, главная основа государства Гур-ханов, с которыми воевал Чингисхан, но они же живут и в Туркистане; кроме китаев мы находим среди них төлөс, мундус, мунгулдур (также на Алтае) и конграт. Упоминаемые в орхонских надписях түргеши, очевидно, в то время сильный и многочисленный народ, сохранились в незначительном алтайском племени «тиргеш», а азы — в «төрт аз» (т.е. «четыре аза»). Кроме конгратов мы находим в Средней Азии джалайров, которые в виде монголо-бурятского племени имеются сейчас в южном Забайкалье; они же упоминаются в истории Чингисхана. С другой стороны сарты Турки-

стана, вместе с кипчаками, имеются на Алтае; в монгольской, форме «саргол» это название носит одно из племен бурят-монголов Забайкалья. Бывшие печенеги русской истории, которые уже в XIII в. были известны путешественникам под именем «каких-то соплеменников куманов (т.е. половцев)», кангитов живут в Туркистане и Казакстане (канглы). Очень возможно, что племена кан на Алтае и канг (носовой звук) койбалов — те же кангалы. Якуты (сахалар) имеют соплеменников в Абаканских степях (сахалар: ак соки и кок соки) и в лице кумандинцев³⁶ Алтая (кумандинцы составились из двух родов: кубан и соки; самое слово куман есть алтайское произношение слова «кубан»: в XVIII в. абаканские соки также составляли «Кубанов аймак», а в XIX в. — Кубанов род).

Из этого, не полного, конечно, перечня видно, что группы разнообразного этнического происхождения и не одинаковой культуры перемешались между собой. Ясно, что и на Алтае, и на Енисее, и в Туркистане мы найдем в составе народности, носящей одно имя, разнородные племенные элементы. Качинец³⁷ представится и в виде скотовода, и в виде зверолова, и в виде полужемледельца, или земледельца. У одного представителя качинцев исследователь увидит монгольские черты лица и найдет родство с бурятами; а другой встретится с качинцем, на монгола совсем не похожим. Один «качинец» скажет, что он «кыргыз», а другой окажется «туба», или «частых» («ястынец» русских памятников XVII века), или «бүрүт», «ара» и т.д.

Среди турецких племен сильное преобладание получила скотоводческая форма хозяйства и кочевнический быт, так противоречащий тому представлению об обитателях Утукекской, Кадырганской и др. «черней», которое складывается при чтении орхонских памятников.

На это были основательные исторические причины.

V. Исторические судьбы

Историк Миллер сохранил нам, небольшое, но очень ценное и характерное известие. Он говорит, что качинцы (каш), жившие по реке Каче, на которой стоит город Красноярск и которая от имени качинцев получила у русских свое название, так как

сами качинцы и кыргызы называли эту речку Изыр-су (Орлиная речка), занимались немножко земледелием. Именно они сеяли дикую гречиху (кырлык), из которой приготавлилась на молоке, по словам Палласа, очень вкусная и питательная каша. Но сеяли они ее немного и, убравшись с урожаем, спешили уйти в леса, так как боялись внезапного нападения в лице кыргызов, русских и бурят.

Кыргызская государственность, в состав которой входили качинцы, просуществовала после этого целое столетие, но она уже обнаруживала все признаки слабости. Она не давала достаточной военной охраны против набегов со стороны, не обеспечивала прочного внутреннего порядка и не давала места для правильного культурного развития. В «Чертежной книге» Ремезова «кашинцы» показаны как «немирные» и «конные», т.е., с одной стороны, не подчиненные еще русскими и с другой стороны — занимавшиеся скотоводством в наиболее экстенсивной его форме «табунного», пастбищного. Тем не менее у них все же еще, очевидно, сохранялись переживанья прежнего хозяйственного строя, сменившегося «номадным».

То, что случилось с каштарами (качинцами), в большем масштабе и на более значительной территории происходило за полтысячелетие до этого в Центральной Азии, в Присаянье и на Алтае. Перевес получали всюду кочевники и скотоводы. Земледелие забрасывалось, сохраняясь в разных углах Присаянья лишь в виде абыльной разработки земли и посевов проса, кырлыка и еще реже других злаков. Перед этим произошло отодвижение с севера к югу путей торговых и культурных сношений между мировыми центрами и рынками. Государства, возникшие на этих путях, разваливаются, происходят постоянные войны из-за оставшихся рынков и караванных путей, хронические набеги и грабежи. Скотоводческое хозяйство становится наиболее выгодным и надежным, так как позволяет хозяину быстро укочевать в наиболее безопасные места и с наименьшими потерями. Затем скотоводческое хозяйство, при благоприятном обороте, способно быстро восстанавливаться, не требуя значительного основного капитала и дорогого рабочего инвентаря.

Перед тем как сложилась империя «голубых монголов» Чингисхана (наследников, через кереитов «голубых турков»), в тех странах, которые составили затем основное ядро этой империи, чувствовался не только материальный, но и моральный и волевой упадок. Это было чрезвычайно характерное отражение хозяйственного развала.

Во главе найманского государства стоял Таян, человек своеобразного типа байроновского Сарданапала, ни во что прочно не веривший и ничем, кроме охоты и развлечений, не желавший заниматься. Сам кереитский хан Тогрул, при дворе которого были христиане, свидетели отдаленных культурных связей, и который сам едва ли не был христианином-несторианцем, также почти все время проводил в облавах, и не столько он, сколько его золотой шатер, золотая чаша, из которой он пил, и другие предметы роскоши были в славе. Видя возвышение и усиление Темучина, Тогрул не оказывает ему активного сопротивления, но вместе с тем, не отказывает себе в мелком удовольствии задеть и раздражить его, когда тот стал очень силен. Не веря совершенно в успех борьбы и видя, что время упущено, он все таки позволяет своему сыну вовлечь себя в войну, возлагая на него формальную ответственность за исход борьбы. Это слабости и упадочность способны раздражать даже современного нам читателя летописей. И мы видим это раздражение в старом вояке, наймане, сподвижнике еще Инанчи, отца алтайского Сарданапала, и в сыне последнего, Кутлуке, и в сыне Тогрула. Молодые более энергичны, но и менее проницательны и менее подготовлены к делу, чем отцы. Они выросли уже в период упадка. Монголы все-таки думали, что, может быть, победа в решительном сражении, данном кереитам, и не была бы за ними, если бы не удалось в самом начале битвы ввести из строя воинственного, но не благоразумного сына Тогрула. Сын найманского хана бежал к кара-китайцам, сверг с престола также упадочного Гурхана, овладел его царством и продолжал борьбу с Чингисханом, но все-таки бесславно погиб в этой борьбе.

Чингисхан не был абсолютно самым сильным противником, и созданная им держава не представляла большого культурного или политического успеха для Центральной Азии.

В животном мире идет постоянная борьба, и в этой борьбе одерживает успех далеко не самый сильный, здоровый и желательный. Когда во время гона два сильных самца-олени бьются не на живот, а на смерть из-за самки, последняя достается часто третьему, наименее ловкому и сильному, который пользуется дракой сильных, или их гибелью и изнеможением..

Не монархия, созданная Чингисханом, и не сам он были наиболее сильными и достойными победы, а чересчур слабыми и исторически обреченными были его более культурные и численно сильные противники. У Чингисхана была лишь воля к победе и организаторская выдержка. В недавнее время мы могли быть свидетелями аналогичных явлений, когда победа доставалась наименее сильным, но имевшим против себя в сложившейся социальной обстановке деморализованного, растерянного противника. Интересно, что такая мысль, правда, в отношении лишь гиньской династии³⁸, высказывалась самим Чингисханом, который в одном из своих «посланий» перечислив выпавшие на его долю успехи, говорит: «Не от того, что у меня есть какие-либо доблести, а от того, что у гиньцев правление не постоянно, я получил от неба помощь и достиг престола».

Чингисхан создал огромную мировую империю («такого царства еще не было с давних времен наших»). В состав ее вошел ряд больших культурных государств, которые были очень ослаблены и разграблены им и его сподвижниками и преемниками и тем сильнее, чем ближе находились к центру новой монархии. Спустя уже полстолетие, эта империя естественно и стихийно распалась на свои составные части, но из числа последних навсегда выпали государства керейтов, найманов, кара-китайских гурханов, меркитов и др. Огромные, стоявшие на известной культурной высоте и накопившие за века существования большие материальные ценности, страны были чересчур опустошены и обессилены; они превратились в необозримые и годные лишь для кочевников степи и полупустыни. Проезжавший всего через несколько десятков лет после походов Чингисхана через страну кара-китаев, Рубрук занес в свои путевые воспоминания сообщение, что на пройденных им равнинах находилось до Чингисхана много городов, но они

все были разрушены татарами, чтобы расчистить место для пастбы стад, так как «там были лучшие пастбища». Рубрук еще застал в разных местах секты христиан и буддистов, которыми он, как монах, всего более интересовался, и которые пользовались «собственными письменами» и особым литературным языком.

Думать, что эта культура была уничтожена именно Чингисханом, было бы не совсем правильно. Разрушение началось до него. Чингисхан собственно только ускорил и довершил тот процесс, который захватил уже ранее присаянские и алтайские культурные народы. Он механизировал его.

Есть еще одно обстоятельство, которое требуется разъяснить.

Может возникнуть сомнение, имеют ли изображенные события и эпохи какой либо интерес, кроме историко-археологического. Развернувшаяся катастрофа должна была нарушить органическое и закономерное развитие культурных и этнических процессов. Можно усомниться, чтобы в последующих периодах могли сказываться действия элементов, например, уничтоженной земледельческой и городской культуры, и чтобы можно было надеяться вскрыть в настоящее время действие столь отдаленных факторов, развитие которого, при этом, было так резко нарушено. Если сформировавшиеся номадные государственные образования поглотили культурных орхонцев и алтайцев, то последние уже в ближайшие поколения должны были превратиться в новые этнические элементы и бесследно исчезнуть в своем прежнем виде. Но такое сомнение едва ли было бы основательным. Нас отделяет от описанной эпохи примерно 25 поколений. Это, конечно, очень значительный ряд, но и не так великий, чтобы могли совершенно сгладиться, исчезнуть антропологические и этнологические особенности подвергшихся смешению элементов.

Физическая метисация знает расщепление физических свойств в потомстве. Этим и объясняется наличие в пределах одной (нечистой) народности различных антропологических типов. Физическая же организация должна неизбежно находить отражение в сфере психических явлении, т.е. антропологические особенности должны иметь этнологические корреляции.

Это, конечно, пока предположение, полученное скорее дедуктивным путем, чем путем индукции, со стороны систематизированного материала. Но у нас имеется и конкретный материал, позволяющий оставаться в сфере фактов.

В тех политических ново-образованиях, которые возникли уже в после-монгольскую (или, вернее, после чингисхановскую) эпоху, культурная традиция, несомненно, не умерла.

Носителями ее по соседству с нами, были те монгольские государства, в состав которых входили турки, — ойратов (или чжунгаров) и алтын-ханов, а отчасти даже, не особенно заметные сами по себе, алтайские и кыргызские княжества. Чжунгарские контайши³⁹ непрестанно стремились к созданию культурного государства, пытались строить каменные города, завязывать сношения, торговые и политические, с Туркестаном, Персией, Тибетом, Китаем. Те же стремления занимали и Алтын-хана, государство которого включало северных монголов (хойто-монголов) и «урянхайцев», а среди последних были не одни звероловы-таежники.

Не чужды этих настроений бывали временами и халхаские ханы. Революционное движение в Монголии является указанием на то, что эти настроения явились почвой, обеспечившей успех новому движению.

VI. Этническая группа как хозяйственный фактор

Мы старались выяснить или, вернее, наметить, как хозяйственные и культурные факторы могли влиять на складывание этнологических и антропологических типов, какова была роль производственного момента в этнических образованиях. Естественно, что при этом мы должны были стоять, повернувшись, если позволительно так выразиться, лицом к прошлому. Но, раз сложившись, антропологические и этнологические образования получают способность самостоятельного действия. Взаимодействие их и основных факторов хозяйственного порядка можно изучать, хотя и в динамическом разрезе, но повернувшись, продолжая наш образ, — лицом не к прошлому, а к будущему. Естественно задать вопрос, какое положительное значение имеет племенное объединение в организации хозяйства страны, и

на сколько оно может быть прогрессивным элементом в хозяйственной системе.

Мне уже приходилось упоминать в печати об одном интересном наблюдении. Во время одной из поездок по абаканским степям я был свидетелем, как мой ямщик, крестьянин из села Табата, в предгорьях Саян, с которым я всю дорогу разговаривал, перебрасывался отдельными фразами, а иногда и разговаривал со встречными русскими и хакасами (или «татарами», как тогда говорили), пользуясь свободно то русским, то «татарским» языком. «Скажите — спросил я его — на каком языке Вы лучше говорите?» — «А на обоих одинаково», ответил табатец, весело смеясь. «Ну, а какой язык, по Вашему, лучше? — не без коварства задал я ему вопрос, — русский или татарский?» Мой собеседник не сразу ответил, а сначала подумал, и потом вдумчиво сказал: «Татарский однако лучше: на нем как-то ловче выходит». Русский человек, свикшийся с крестьянской «упряжкой» (по терминологии Льва Толстого) и выработавший земледельческий календарь, создал в течение нескольких веков и соответствующий язык, который, в значительной мере, представляет обиходный словарь технических слов и оборотов. И вот этот русский язык, в новой природной и хозяйственной обстановке оказывается недостаточно приспособленным, на нем не так «ловко» выразить мысль, как на языке людей, которые создавали его именно в этой обстановке. Поэтому и русский житель около-байкаля, не находя в своем словаре нужных слов, принужден прибегать к бурятским словам и оборотам. Он говорит: «качерик»⁴⁰, «бурун»⁴¹, «ирген»⁴²; он не может найти термина, соответствующего бурятскому «сундулдуха», и, хотя прибегает к описательному выражению, но все-таки без бурятского слова не обходится: «ехать сундулой» (вдвоем на одной лошади, причем передний управляет лошадей, а задний держится обычно характерно вытянутыми руками).

Есть чрезвычайно характерное и меткое выражение: «понимать с полуслова». Выражаемая этими словами способность дается долгим сожительством и сотрудничеством. Кто имел случай наблюдать работу на плоту, на охоте, в тайге знает, как осуществляется и какое важное значение имеет эта способность

понимать одно сказанное слово, произнесенный звук или сделанный технический жест, заменяющие целую речь или длинные разговоры.

Каждое племя, каждая этническая группа представляют своего рода сработавшуюся, хорошо «спевшуюся» артель, пользующуюся не только одним словарем «технических слов и оборотов речи», но и бесконечно сложным запасом одинаковых навыков, приемов, наблюдений. Едва ли нужно останавливаться на том значении, какое имеет в трудовых процессах экономия сил, сбереженное лишнее движение и лишнее время, а также на том, что дает в этом смысле указанная выше «сработанность», «спетость». Каждая этническая группа сложилась, выработала систему трудовых навыков, создала свой язык в определенной природной и хозяйственной обстановке, и одновременно она представляет известную готовую коллективную рабочую единицу в хозяйственной деятельности данной страны.

Нам и казалось своевременным в этом очерке обратить внимание на очень важное теоретическое и практическое значение этнологических изучений не только в общем динамическом разрезе, но и в разрезе экономической динамики. Мы, конечно, не хотим этим сказать, что это одна тема, которая может быть поставлена и разработана силами одного лица. Тут нужно сотрудничество и этнолога, и антрополога, и экономиста, и климатолога, и физиолога-врача. Осуществление такой задачи было бы по силам лишь специальной исследовательской организации, мысль о которой уже возникала, в виде проекта Антрополого-Этнологического Института при Иркутском Университете.

Несомненно также, что эта тема должна входить важной составной частью в разработку вопросов планового хозяйственного и культурного строительства, которое ведется на пространстве всего СССР.

Примечания

¹ *Сагайцы (сагайлар)* — часть хакасского народа, носители сагайского диалекта хакасского языка (более 70% всех хакасов). Проживают в основном в долине р. Абакан (от впадения в р. Абакан р. Уйбат и до верхних притоков).

² *Кандык* — луковичное растение из семейства лилейных. Массово заготавливался местным населением некоторых регионов Южной Сибири из-за съедобных луковиц. Сейчас используется, главным образом, как декоративное растение. *Erythronium dens canis* — кандык европейский (или кандык — собачий клык (зуб)). Произрастает в Южной и Центральной Европе. Н.Н. Козьмин имеет в виду, вероятно, кандык сибирский алтайской разновидности (*Erythronium sibiricum* var. *altaicum*). Сибирская разновидность кандыка была возведена в ранг отдельного вида в 1929 г., т.е. на следующий год после публикации Н.Н. Козьмина.

³ *Клеменц Дмитрий Александрович* (1847–1914) — революционный деятель (народник), этнограф, археолог. Известный исследователь истории и культуры народов Южной Сибири и Монголии.

⁴ *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) — русский писатель. «Власть земли» — один из очерков одноименного цикла, впервые напечатанного в журнале «Отечественные записки» в 1882 г. (№ 1–3).

⁵ *Тубинцы* — часть енисейских кыргызов, живших на правом берегу Енисея в районе р. Туба. Н.Н. Козьмин отождествляет «тубинскую группу» с «тувинской группой», т.е. тубинцев с тувинцами (урянхайцами). Далее из текста статьи видно, что автор, скорее всего, под термином «тубинская группа» имеет в виду совокупность саянских народов (как их принято именовать сегодня): тувинцев, тофов, сойотов, цаатанов.

⁶ *Турки* — термин, которым в XIX — начале XX вв. обозначали народы, которые в современной историографии принято называть тюркскими.

⁷ *Казакки-киргизы* — казаками в начале XX в. называли казахов. Киргизы, как народ, родственный казахам, часто упоминался в «смычке» с казахами. Например, казахов иногда именовали киргизами, а непосредственно киргизов — кара-киргизами и т.д.

⁸ *Саянцы* — имеются в виду либо: 1) народы, имеющие различное происхождение (до сих пор не до конца выясненное наукой), жившие в предгорьях Саян: камасинцы, карагасы, койбалы, маторы, тайгийцы, сойоты; значительная часть исследователей считает эти народы самодийскими, впоследствии ассимилированными соседями; либо 2) народы саянской языковой группы (группы восточно-тюркских языков, близких языку древних уйгуров и языку орхонских надписей): тувинцы, тофы, сойоты, цаатаны, цэнгэлыцы (монгольские тувинцы).

⁹ *Койбалы* — ныне — этнографическая группа хакасов. До ассимиляции хакасами и русскими относились к самодийской, кетской или иным языковым группам (вопрос — дискуссионный).

¹⁰ *Бельтиры* — ныне — этнографическая группа хакасов. Современная наука считает бельтиров потомками переселенцев из Алтая, Шории, Тувы и Джунгарии, ассимилированных хакасами. Эта точка зрения базируется, в том числе, на признании мнения Н.Н. Козьмина о происхождении термина от слова «пилтир» — «метисы».

¹¹ *Сагаи* — то же, что *сагайцы* (см. выше).

¹² *Утукен (утукенская чернь)* — Хангайские горы (Хангай) — горный массив в западной и центральной частях современной Монголии

¹³ *Кадырканская чернь* — горы Большого Хингана

¹⁴ *Урянхайцы* — в прошлом — название тувинцев. Также урянхайцами называют некоторые этнические группы Монголии, причем среди них есть и монголыязычные (алтайские, хубсугульские урянхайцы), и тюркоязычные (уйгурские урянхайцы).

¹⁵ «нын. *Бухара и Хива*» — имеются в виду часть территорий современных Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. К моменту написания работы уже не существовало Хорезмской (Хивинской) и Бухарской республик, образованных после Революции 1917 г. на месте Хивинского ханства и Бухарского эмирата, являвшихся протекторатами Российской империи, — территории этих республик вошли в состав образованных в 1924 г. Туркменской и Узбекской ССР (в 1929 г. из состава Узбекской ССР будет выведена отдельная Таджикская ССР). Но, вероятно, выражение «Бухара и Хива» еще некоторое время использовалось для обозначения названных территорий. Возможно, использование этих названий Н.Н. Козьминым говорит о том, что текст статьи (или его часть) был написан до 1924 г.

¹⁶ *Сартолы* — из контекста следует, что имеются в виду, вероятно, *сарты* — потомки коренного (дотюркского, ираноязычного) населения Узбекистана. Так соседние тюркоязычные народы называли еще в начале XX в. оседлых узбеков (т.е. тюрков, не занимающихся кочевым скотоводством) и равнинных таджиков. «Сартами» в Средней Азии также называли купцов вообще. *Сортолы* (сорторы) — полупоупендарный народ, живший восточнее Лены и в верховьях Яны до прихода туда тунгусов и якутов. Известны также *сартолы* на р. Селенге (этническая группа бурят) и *сортоты* на р. Ононе (этническая группа тунгусов).

¹⁷ *Карпини Джованни Плано* (ок. 1182–1252) — итальянский монах-франсисканец, посетивший Монгольскую империю по поручению римского папы Иннокентия IV первым из западных европейцев и оставивший записки о своих путешествиях — «история Монгалов, именуемых нами Татарами» и «Книга о Татарах».

¹⁸ *Рубрук Гильом де* (между 1215 и 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-франсисканец, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в Монголию и написавший книгу «Путешествие в восточные страны». Рубрук был направлен сначала в Золотую Орду французским королем Людовиком IX с дипломатической миссией, а в Монголию он был отправлен уже Бату-ханом. Путешествие Рубрука значительно расширило знания европейцев о Центральной Азии.

¹⁹ *Найманы* — как и упомянутые далее *кереиты* — союзы монголыязычных племен (до его вхождения в монгольскую империю при Чинги-

схане), приняли участие в этногенезе многих современных тюркских и монгольских народов.

²⁰ *Кара-китай* — кидани — монголоязычный союз племен, создавший в X в. империю Ляо в Центральной Азии и на территории северного Китая. После разгрома чжурчженями империи Ляо в 1125 г. часть киданей откочевала в Среднюю Азию, где и стала известна под именем кара-китаев.

²¹ *Клавихо Рюи Гонзалес де* (ум. 1412) — испанский дипломат, совершивший в 1403–1406 гг. путешествие в Среднюю Азию к Тамерлану по заданию кастильского короля Генриха III. Оставил дневник, напечатанный на русском языке под названием «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг.» в 1881 г.

²² *Кондуйский город* — археологический памятник в Борзинском районе Забайкальского края, в 10 км от с. Кондуй, в долине между рр. Кондуй и Барун-Кондуй (бассейн Аргуни). Памятник известен с конца XVIII в. Планомерное изучение памятника проводилось в 1957–1958 под руководством С. В. Киселева, затем — в 1979 и 1984 гг. Из контекста видно, что Н.Н. Козьмин приводит Кондуйский город как пример наличия городской культуры и оседлости у монголоязычных народов до их объединения в рамках Монгольской империи. Но, как выяснилось в ходе исследований, памятник относится к XIV в. и представляет собой провинциальное повторение дворцового комплекса Каракорума.

²³ *Тьерри Жак Никола Огюстен* (1795–1856) — французский историк. Рассматривал борьбу сословную (классовую) как борьбу рас (на примере завоевания франками Галлии).

²⁴ *Тьерри Амедей Симон Доменик* (1797–1873) — французский историк, младший брат Жака Тьерри. Разрабатывал теорию сословной борьбы своего брата.

²⁵ «следить» — вероятно, опечатка. Из контекста, должно быть, скорее всего, «сойти».

²⁶ «и» — явная опечатка. Должно быть «с».

²⁷ *origins* (фр.) — истоки.

²⁸ *Сумерийская культура* — т.е. шумерская культура.

²⁹ *Ханбалык* — «обитель хана», столица империи Юань, современный Пекин.

³⁰ *Абыл* — у народов Сибири — специальное орудие труда для рыхления почвы. Представлял собой металлическое округлое лезвие, напоминающее лопату или мотыгу, насаженное на длинную (до 1 м и больше) деревянную кривую рукоятку.

³¹ *Озуп* — специальное орудие труда сибирских народов для выкапывания луковиц. Представлял собой заступ (целиком деревянный или с металлическим наконечником).

³² *Lilium martagon* — Лилия кудреватая (Царские кудри), многолетнее луковичное растение. В Сибири издавна имела пищевое значение. Употреблялась в сыром, вареном, жареном, сушеном виде и в качестве приправы. Иногда сушеные луковицы лилий употреблялись в виде муки для приготовления молочной каши.

³³ *Lilium romponium* — по всей вероятности — *Lilium callosum* (Лилия мозолистая). Под названием, употребленным Н.Н. Козьминым, эта лилия была описана К. Тунбергом в 1784 г. Вид, известный в западной литературе как *Lilium romponium*, произрастает только в Европе.

³⁴ *Закон Менделя* — имеется в виду второй закон Менделя: при скрещивании двух гетерозиготных потомков первого поколения между собой во втором поколении наблюдается расщепление в определенном числовом отношении: по фенотипу 3:1, по генотипу — 1:2:1.

³⁵ *Кыргыз-казаки* (или *киргиз-кайсаки*) — казахи, то же, что и *казаки-киргизы* (см. выше).

³⁶ *Кумандинцы* — малочисленный народ Алтая. Официально ныне считаются отдельным народом, но этнографы склонны считать кумандинцев этнографической группой алтайцев.

³⁷ *Качинцы* — ныне — основная этнографическая группа хакасов. До середины XIX в. качинцы — основное население Качинской степной думы.

³⁸ *Гиньская династия* — северокайская династия Цзинь (Кинь) маньчжурского (чжурчжэньского) происхождения. Государство Цзинь было в значительной мере ослаблено набегами Чингисхана и окончательно покорено монголами в 1234 г. при хане Угэдэе.

³⁹ *Контайша* (или *хунтайджи*) — титул правителя Джунгарского ханства (XVII–XVIII вв.).

⁴⁰ *Качерик* (или *кашерик*) — годовалое домашнее животное.

⁴¹ *Бурун* — годовалый бычок.

⁴² *Ирген* — годовалый козленок (иногда — ягненок).

Публикация и примечания А.М. Курьшова